

АРХЕОЛОГИЯ

Р.М. Мунчаев

ДАГЕСТАН, КАВКАЗ, МЕСОПОТАМИЯ: ИЗ ИТОГОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выступление на академических чтениях, посвященных
60-летию Дагестанского научного центра РАН

Мы переживаем торжественные дни, связанные с большим событием в истории и культуре Дагестана – шестидесятилетием Дагестанского научного центра РАН. В связи с этим нас, дагестанцев, членов РАН, пригласили на эти торжества и попросили выступить и поделиться тем, какой вклад каждый из нас внёс в развитие науки в своей области. Но я не думаю, что нам следует заниматься здесь самооценкой и определением того, что сделано.

Мне представляется более важным и интересным в данном случае доложить не о том, что мною сделано в науке, а рассказать, как я стал археологом, и в каких областях и направлениях пришлось мне трудиться и добиваться признания. При этом я не буду останавливаться на своей научно организационной работе в качестве заместителя директора и директора Института археологии РАН, когда мне пришлось непосредственно участвовать в разработке целого ряда важнейших проблем археологии России, и не только России. Я как кавказовед и ориенталист коснусь лишь некоторых проблем первобытной археологии Дагестана, Кавказа и Ближнего Востока, конкретно Месопотамии.

Но прежде всего мне хочется вспомнить здесь своих учителей – Р.М.Магомедова и Е.И.Крупнова. Всем в Дагестане – и не только в Дагестане – хорошо известно имя профессора Расула Магомедовича Магомедова – крупнейшего историка, организатора и фактически первого руководителя Дагестанского научного центра, ученого, так много сделавшего для развития науки и культуры Дагестана. Я учился у него 4 года в Дагестанском педагогическом институте (1945–1949 гг.) и собирался специализироваться в совершенно иной области исторического знания. Как руководитель недавно организованного Научного центра АН СССР в Дагестане (первоначально Дагестанская научно-исследовательская база АН СССР, а затем Дагестанский филиал АН СССР) Расул Магомедович был более всего озабочен отсутствием соответствующих специалистов и вынужден был постоянно заниматься вопросами подготовки научных кадров для руководимого им научного центра. Скольких молодых людей он отправил для прохождения аспирантуры в академические институты Москвы и Ленинграда! Среди них был и я, всегда и глубоко благодарный ему за то, что он убедил меня заняться археологией.

Широко известны также имя и труды выдающегося советского археолога-кавказоведа, лауреата Ленинской премии Евгения Игнатьевича Крупнова. Я был его первым учеником. Он научил меня археологии, посвятив во многие неизвестные мне страницы древней и средневековой истории и культуры народов Кавказа. Особенно я благодарен ему за то, что он сориентировал меня на исследование бронзового века Кавказа, что оказалось чрезвычайно плодотворным. Под его руководством мною были начаты работы как полевого, так и теоретического характера. Они позволили в начале 50-х годов подготовить первый обобщающий труд «Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана», который был защищен в 1953 г. как кандидатская диссертация.

В процессе работы над данной темой стало очевидным, что Дагестан с глубочайшей древности развивался не изолированно, а в тесной, неразрывной связи с древним

населением Закавказья и Северного Кавказа. Дальнейшая научная деятельность привела к установлению целого ряда важнейших факторов в древнейшем развитии Кавказа. В частности, удалось установить, что Дагестан целиком входил в ареал так называемой куро-аракской культуры раннебронзового века, а Северо-Восточный Кавказ в целом оказался регионом активного взаимодействия двух основных культур эпохи ранней бронзы Кавказа – майкопской и куро-аракской. Поэтому здесь в III тысячелетии до нашей эры сложились памятники синкретического характера, сочетающие в себе элементы обеих отмеченных культур (См.: 2). Именно это обстоятельство побудило меня перейти к исследованию Кавказа в целом в ранние периоды его истории. К концу 60-х годов мной был завершён первый в историографии труд по неолиту, энеолиту и ранней бронзе всего Кавказа (См.: 3).

Работа над этим трудом убедительно показала, насколько тесно и глубоко культуры Кавказа связаны своим развитием с Передней Азией в широком смысле, а более конкретно с Месопотамией и Анатолией. Мне в буквальном смысле «крупно повезло»: завершение данного труда совпало с организацией первой российской археологической экспедиции на Ближний Восток, точнее в самое его сердце – Месопотамию. Более того, я был назначен в 1969 г. начальником этой экспедиции и с тех пор, кстати, бесценно руковожу ею до настоящего времени.

Полагаю, что в этой аудитории нет необходимости напоминать о той роли, какую сыграла Месопотамия – междуречье Тигра и Евфрата – в истории человечества, в её важнейших прогрессивных сдвигах, определивших весь ход исторического процесса.

Хорошо известно, что изучение Месопотамии началось еще в первой половине XIX века, и сделанные здесь поистине выдающиеся открытия буквально взбудоражили широкую общественность в мире, заметно изменив представления о ходе культурно-исторического развития не только Западной Азии, но и всего Старого Света. Поэтому не случайно, что в начале XX в. стали говорить: если XV век открыл миру Америку, то XIX век – Месопотамию. В соперничество за изучение Месопотамии между Англией и Францией вскоре вступили Германия, США, а затем и ряд других стран.

История археологического изучения Месопотамии до начала работ советской экспедиции в Ираке насчитывала уже более чем столетний период. Мы отстали от западной науки в исследовании Месопотамии без малого на 150 лет. Поэтому нам довольно трудно было приступить к полевым изысканиям в Двуречье, ведь у нас не было никакого опыта исследования памятников Месопотамии и мы, надо об этом честно сказать, были весьма слабо осведомлены в проблематике ближневосточной археологии. Не удивительно, что как только была создана советская экспедиция в Месопотамию, появилось немало скептиков, которые считали, что в там уже всё открыто, т.е. больше нечего делать, и предрекали неудачу нашей экспедиции. Отсюда понятно, какая ответственность легла на нас. Мы помним и о реакции в связи с началом полевых исследований нашей экспедиции в Ираке в определённых кругах на Западе. Последние расценили их как начало «советской археологической агрессии на Ближнем Востоке».

Перед экспедицией был поставлен ряд конкретных и взаимосвязанных задач. Это – изучение проблемы перехода от присваивающих форм хозяйства к производящей экономике, т.е. происхождения и развития земледелия, скотоводства и металлургии и формирования на их основе древнейшей в мире цивилизации. Объединяющей же их темой стала проблема заселения и освоения великой месопотамской равнины, в первую очередь долин Верхней Месопотамии. Понятно, что, определяя наши цели, мы не комментировали общепризнанные достижения своих предшественников и не пытались идти их путями, а стремились охватить своими исследованиями новые регионы, новые культурно-хронологические периоды и новые важнейшие культуры, способные обогатить общие и конкретные представления об археологии, истории и культуре древнейшей Месопотамии.

С целью решения поставленных задач экспедиция провела прежде всего широкие

археологические разведки – от иракского Курдистана на востоке и до сирийской Джебелы на западе. Первоначально мы в течение 15 полевых сезонов – с 1969 по 1985 годы – работали в северо-западном Ираке, в 100 км к западу от г. Мосула, в Синджарской долине. До наших работ это был один из совершенно неисследованных регионов Ближнего Востока, расположенный на стыке Северной Месопотамии, Анатолии и Сирии. Здесь экспедиция открыла и исследовала целую группу раннеземледельческих памятников, отражающих все основные этапы развития дописьменной Месопотамии и охватывающих большой хронологический период – от VIII до III тыс. до нашей эры.

Прежде всего, следует отметить открытие в предгорьях Синджара совершенно нового для данного региона Ближнего Востока памятника – поселения под названием Телль Магзалия, первого выявленного здесь памятника докерамического неолита, относящегося к VIII тыс. до нашей эры. Его восьмиметровый культурный слой не содержал ни одного обломка глиняной посуды, но в нём были представлены фрагменты каменных и гипсовых сосудов (1).

Телль Магзалия был небольшим посёлком, располагавшимся на высоком берегу реки. Он был плотно застроен. Прямоугольные дома на массивных каменных фундаментах площадью иногда до 80 кв. м были сооружены из глины. Важная особенность поселения состояла в том, что оно было укреплено с одной, напольной стороны каменной стеной, сохранившейся местами на высоту до 2-х м и вскрытой на протяжении около 60 м. Это оборонительное сооружение является древнейшим среди открытых до сих пор в Месопотамии и – наиболее ранней фортификацией вообще.

Телль Магзалия дала чрезвычайно важные данные, как археологические, так палеоботанические и археозоологические. Например, собранная здесь палеоботаническая коллекция включает около 300 зёрен и семян культурных растений, в том числе пшеницы-двузернянки и карликовой пшеницы, а также многорядного ячменя. Подчеркну здесь же, что для изучения процесса земледелия огромное значение имели обнаруженные в процессе наших раскопок в Ираке не только остатки дикого ячменя, эгилопса и бобовых, но и промежуточных форм злаковых, в частности между дикорастущим и культурным многорядным ячменём.

Изучение же остатков фауны показало, что если в ранних слоях поселения представлены в основном кости диких животных – бизона, онагра и газели – и лишь единичные кости домашних овцы и козы, то на среднем и позднем этапе жизни поселения количество костных остатков домашних животных заметно возрастает.

Совершенно неожиданными явились находки в Телль Магзалии свидетельств начала металлургии в Месопотамии – кусков медной руды и особенно медного кованого шила. Таким образом, стало очевидным, что использование металла в Месопотамии, как в Анатолии и других смежных областях Ближнего Востока, началось очень рано, еще до появления керамики.

Телль Магзалия представляет собой в настоящее время один из опорных памятников для изучения узловой проблемы формирования и развития древнейшего земледелия, скотоводства и металлургии в Месопотамии.

С проблемой возникновения земледелия, скотоводства и металлургии тесно взаимосвязаны вопросы, касающиеся заселения и освоения долин Северной Месопотамии, как и Двуречья в целом. Их изучение весьма актуально как в историко-археологическом, так и палеогеографическом аспектах. Между тем до работ советской экспедиции в Синджарской долине эти вопросы были поставлены лишь в самой общей форме. Возможность же их конкретного исследования появилась после открытия в конце 60 – начале 70-х гг. в северо-западном Ираке ряда древнейших памятников, в том числе раскопанных нашей экспедицией в долине Синджара поселений Телль Сотто и Кюльтепе. Эти памятники представляют ныне новую и самую раннюю земледельческую культуру, начавшую складываться и распространяться на севере месопотамской долины в VII тыс. до нашей эры. Она вошла в литературу под

названием культуры Телль Сотто (См.: 6).

Телль Сотто и Кюльтепе представляли собой небольшие посёлки площадью менее 1 га, которые были застроены одно- или многоквартирными домами со стенами, сложенными из глиняных блоков. Обитатели этих поселений продолжали культивацию тех же злаков, но уже в условиях плодороднейших долинных почв Верхней Месопотамии. Всё это резко ускорило и интенсифицировало процесс распространения производящего хозяйства и создания больших, основывавшихся на нём культурных общностей.

Пожалуй, важнейшим достижением носителей культуры Телль Сотто явилось освоение ими гончарного производства. Обнаруженные на поселениях этой культуры груболепные и слабообожженные сосуды – это наиболее ранняя керамика на памятниках данного региона Ближнего Востока. В этот период научились и расписывать отдельные образцы керамики. Традиция же производства и использования сосудов из камня продолжалась. Обнаруженные в памятниках культуры Телль Сотто каменные сосуды отличаются поразительной техникой выделки. Начатые же на Телль Магзалии первые опыты производства медных изделий получили продолжение в культуре Телль Сотто, в поселениях которой найдены как сами изделия, так и кусочки медного шлака.

Без всякого преувеличения можно констатировать, что материалы раскопок Телль Магзалии и памятников культуры Телль Сотто позволили заполнить большую историческую лакуну между докерамическим неолитом и культурой Хассуны. На основе культуры Телль Сотто произошёл следующий крупный сдвиг в дальнейшем освоении месопотамской долины. Он связан с возникновением в Северной Месопотамии так называемой хассунской культуры.

До начала раскопок российской экспедицией поселения Ярымтепе 1 в северо-западном Ираке хассунская культура считалась самой ранней земледельческой культурой Месопотамии и Ближнего Востока в целом. Она была представлена тогда, по сути дела, одним исследованным памятником – поселением Телль Хассуна близ г. Мосул, раскопанным в 1943–1944 гг. на небольшой площади. Поэтому многие важные вопросы, касающиеся генезиса данной культуры, её хронологизации и т.д., не были решены.

Ярымтепе 1 представлял собой небольшой округлый холм в группе из шести теллей, находящийся в 8–9 км западнее г. Телафар. Весь его шестиметровый культурный слой принадлежал хассунской культуре. Раскопки, продолжавшиеся десять полевых сезонов (1969–1978 гг.), охватили большую половину телля и на значительной площади были выведены до его основания, т.е. до материка. Подчеркну, что ни до и ни после раскопок Ярымтепе 1 ни один памятник Месопотамии VI тыс. до нашей эры не был подвергнут столь широким исследованиям.

На раскопанной площади поселения открыты остатки более 1000 различных сооружений, как хозяйственно-бытовых, так и культовых. Они позволили широко изучить архитектуру, строительное дело и особенности планировки поселений хассунской культуры. Кроме того, здесь добыт многочисленный и разнообразный археологический материал, а также выразительные палеоботаническая и археозоологическая коллекции. Мы располагаем ныне самым обширным собранием хассунской керамики, в том числе и антропоморфной пластики (См.: 4).

В настоящее время, по единодушному мнению специалистов, Ярымтепе 1 по масштабу проведённых на нём исследований, количеству и разнообразию полученных здесь данных, четкой стратификации памятника и детальному послойному изучению его культурных отложений признан наиболее изученным и репрезентативным памятником хассунской культуры. Он вошёл ныне, как Телль Магзалия и Телль Сотто, во все новейшие издания, учебные пособия и картографические материалы по археологии и древнейшей истории Ближнего Востока. Укажу здесь же, что Ярымтепе 1 – это не единственный памятник хассунской культуры, исследованный российской

экспедицией в долине Синджара. Нами выявлено более десяти поселений этой культуры и на трёх из них проведены стационарные исследования.

В отличие от единичных памятников культуры Телль Сотто поселения хассунской культуры оказались распространены несравненно шире, от Тигра на востоке и до притоков Евфрата на западе. В частности, в долине Хабура в северо-восточной Сирии нашей экспедицией также исследовано раннехассунское поселение – Телль Хазна II. Таким образом, вполне очевидно, что к VI тыс. до нашей эры оказалась заселённой и освоенной если не вся северо-месопотамская равнина, то значительная часть Верхней Месопотамии.

Последующий за Хассуной период в развитии Северной Месопотамии характеризует известная халафская культура. Это, безусловно, самая яркая из раннеземледельческих культур Месопотамии и Ближнего Востока в целом. Появление её на севере Двуречья сопровождалось распространением здесь принципиально новой формы архитектуры и оригинальной расписной керамики, а также неизвестного до этого обряда погребения в катакомбах. Действительно, почти во всём ареале хассунской культуры вместо многокомнатных домов прямоугольного плана появляются в основном однокомнатные круглоплановые постройки типа толоса с коническим и реже плоским перекрытием.

Советская экспедиция зафиксировала в долине Синджара целую серию поселений халафской культуры и на двух из них – Ярымтепе II и Ярымтепе III провела широкомасштабные раскопки (См.: 4; 6). До начала работ нашей экспедиции в Месопотамии лишь единичные памятники данной культуры подвергались серьёзным исследованиям, но ни на одном из них, подчеркиваю, раскопки не были доведены до материкового слоя. Наша же экспедиция на Ярымтепе II, где культурный слой достигал 7 м толщины, весь раскоп площадью 600 кв. м вывела на материковый слой. А на Ярымтепе III халафский слой мощностью 8 м был перекрыт четырёхметровым слоем хронологически следующей за Халафом убейдской культуры. И здесь мы прошли на отдельных участках весь 12-метровый слой памятника.

На Ярымтепе II и III вскрыты остатки более 80 круглых толосовидных построек, что значительно больше, чем на всех ранее исследованных поселениях, вместе взятых. Именно благодаря работам нашей экспедиции была завершена давняя дискуссия о назначении этих круглых построек в поселениях халафской культуры. До этого, как известно, считалось, что они представляли собой исключительно культовые постройки. Теперь уже ясно, что культовыми являлись лишь отдельные из них. В основном же это были жилые и хозяйственные постройки. К толосам, достигавшим в диаметре до 6 метров, примыкали с разных сторон прямоугольные постройки хозяйственного назначения, в отдельных из которых находились печи. Очаги открыты и внутри жилых построек. Раскопаны и остатки отдельно расположенных зернохранилищ.

Значительный интерес представляет глиняная посуда халафской культуры. Следует подчеркнуть, что из Ярымтепе I происходит самая значительная в настоящее время коллекция халафской керамики, включая расписную. Она высокого технологического качества и многообразна по формам – от миниатюрных и небольших чаш и мисок до различных горшков и крупных сосудов. Примерно половина всей керамики украшена росписью, преимущественно красно-коричневого цвета по светлому фону. Поражает разнообразие мотивов росписи. Достаточно сказать, что только геометрические и растительные мотивы представлены более чем четырьмя сотнями вариантов. Но помимо них не менее многочисленны изобразительные мотивы: зооморфные, антропоморфные, а иногда и сочетающиеся в сложных сценах. Отмечу, что керамика включает в себя и выразительные образцы полихромных сосудов.

Халафское искусство представлено не только поразительными по художественному мастерству расписными сосудами, но и оригинальными образцами пластики. В частности, среди расписных сосудов из Ярымтепе II особо выделяются два уникальных сосуда. Первый антропоморфный, в виде женской фигуры. На месте головы фигуры

находится горловина сосуда. Поражает как тщательность работы, так и удивительная реалистичность предмета. Нельзя не обратить внимание на то, как великолепно оформлен бюст фигуры и как тщательно прорисованы ожерелье на руках и волосы на спине. Второй сосуд зооморфный, в виде изображения свиньи. Он весь покрыт росписью. Любопытно, что оба эти сосуда были погребены в небольших ямах и перед этим специально разбиты.

Наша экспедиция не только раскопала эту замечательную керамику, но, что крайне важно, открыла и исследовала на Ярымтепе II остатки крупных гончарных печей, в которых данная керамика была обожжена. Печи были круглой формы и отличались довольно сложной конструкцией. Они состояли из двух камер, разделённых массивной глиняной рамой с продухами, через которые горячий воздух поступал из нижней топочной камеры в верхнюю, где сосуды проходили термическую обработку.

Мне приходится с глубоким сожалением констатировать, что мы до сих пор не знаем о судьбе тех бесценных находок, включая отмеченные фигурные сосуды, из поселений Ярымтепе I, II и III, которые хранились в Национальном музее Ирака, подвергшемся разграблению несколько лет назад при прямом попустительстве вторгшихся в Ирак войск США.

Вернёмся, однако, к халафской культуре. Распространение её, по нашему мнению, знаменовало появление в Северной Месопотамии новых групп населения. Вопросы о корнях и дальнейших судьбах этой блестящей культуры остаются до сих пор не установленными. В этой связи важное значение приобретает тот факт, что в VI–V тыс. до нашей эры почти повсеместно в Закавказье и на северо-восточном Кавказе доминирует, как и на поселениях Северной Месопотамии, круглопланная архитектура. Возникает резонный вопрос, не появилась ли она здесь в результате месопотамских влияний, тем более что в отдельных памятниках Закавказья встречены типичные образцы халафской расписной керамики. Отдельные же ученые полагают обратное, т.е. то, что именно под влиянием Закавказья в Месопотамии начали строить круглые однокомнатные дома. Вопрос этот дискутируется и далёк пока от своего решения.

Таким образом, совершенно очевидно большое научное значение выполненных российской экспедицией археологических исследований в Северо-Западном Ираке. В настоящее время нет ни одного учебного пособия, научного труда и картографических материалов по древней Месопотамии, в которых не были бы обозначены раскопанные нами памятники в Ираке как являющиеся опорными для изучения древнейших культур Месопотамии. К нашему глубокому удовлетворению, западная наука признала, что отныне невозможно без учёта данных, полученных нашей экспедицией, изучать историю и археологию Ближнего Востока. В данной связи представляется необходимым отметить знаменательное признание, сделанное известным английским ученым Дж. Отс. В рецензии в журнале «Antiquity» на нашу книгу в США в 1993 г. она подчеркнула, что если до недавнего времени лидирующая роль в изучении севера Месопотамии принадлежала британской археологии, то отныне она перешла к российской экспедиции, исследования которой заметно изменили представления о неолите Месопотамии.

Не могу здесь не отметить и то, что вклад нашей экспедиции в изучение древней Месопотамии получил высокую оценку и со стороны российского правительства: трём сотрудникам экспедиции (Н.О. Бадеру, Н.Я. Мерперту и Р.М. Мунчаеву) в 1999 г. была присуждена Государственная премия России в области науки.

Таковы в самой общей форме результаты беспрецедентных по масштабу и хронологическому охвату работ, проведённых российской экспедицией в Ираке.

Значительные археологические исследования осуществлены нашей месопотамской экспедицией и в Сирии. Позволю еще более кратко остановиться и на их результатах.

В 1980 г., после завершения нами очередного полевого сезона в Ираке, началась война между Ираком и Ираном, продолжавшаяся в течение нескольких лет. Она явилась главной причиной прекращения деятельности на территории Ирака почти всех

зарубежных экспедиций, в том числе и российской. Правда, нам удалось еще поработать там два сезона: в 1984–1985 гг. экспедиция участвовала в работах по спасению археологических памятников на правом берегу Тигра в связи со строительством гидротехнического сооружения в районе Эски Мосул.

Еще задолго до начала ирано-иракской войны нам в процессе раскопок в долине Синждара приходилось постоянно убеждаться в необходимости расширения работ экспедиции в западном направлении, в сторону сирийской Джебзир и бассейна Евфрата. Возможность начать полевые исследования на смежной с Ираком территории Сирии появилась после свертывания работ нашей экспедиции в Ираке в связи с начавшейся ирано-иракской войной.

В 1987 г. мы провели разведки в долине Хабура – левого притока Евфрата в Северо-Восточной Сирии и весной следующего года приступили там, в провинции Хассак, рядом с границей ее с Ираком и Турцией, к широким стационарным исследованиям. Фактически они явились продолжением на той же территории Северной Месопотамии работ, проведенных экспедицией в Ираке, как в культурном, так и в хронологическом отношении. Действительно, если в Ираке экспедиция исследовала памятники VIII–IV тыс. до н.э., то в Сирии были подвергнуты изучению культурные отложения последующих эпох – урукской и главным образом раннединастического I периода, т.е. конца IV – первой трети III тыс. до н.э.

Основным объектом исследований российской экспедиции в Сирии является памятник Телль Хазна 1, расположенный на берегу одного из притоков Хабура, у деревень Хазна и Аляви, в 25 км к востоку от Хассак. Это большой холм диаметром до 200 м и высотой 17 м. Лежащие в основании телля слои мощностью до 4 м относятся к убейдской и урукской культурам. Основной же слой, превышающий 12 м, принадлежит раннединастическому I периоду (5. С. 3–486).

Прежде всего укажем, что Телль Хазна 1 не является обычным поселением, а представляет собой остатки культово-административного центра, связанного с определенной округой. Необычна уже сама его планировка: густая застройка фиксируется на ряде искусственных платформ-террас, возвышающихся одна над другой на 4–5 м. На вскрытых уже более 3000 кв. м площади открыты остатки около 450 различных сооружений. Общая овальная форма памятника подчеркнута серией особо массивных конструкций, обладающих поразительной сохранностью. Действительно, стены многих из них сохранились на высоту от 6 до 8,5 м, т.е. близкой к первоначальной. Стратиграфические показатели позволяют предположить, что эти сооружения закладывались еще в позднеурукский период, т.е. в конце IV – начале III тыс. до н.э. и далее при ряде реконструкций и перестроек существовали несколько столетий.

Среди строительных объектов Телль Хазны 1 особо выделяется комплекс взаимосвязанных фундаментальных сооружений на нижней платформе-террасе, который по ряду данных можно рассматривать как теменос. Его центром была массивная башня (зиккурат) с тремя вертикально расположенными на единой оси камерами с каменными и кирпичными полами и двумя дверными проемами. Башня сохранилась на высоту до 8 м. Сакральный ее характер засвидетельствован наличием «строительных жертв», подчеркивающих как начало строительства башни (захоронение трехкопытных животных на специальной площадке под фундаментом), так и завершение его (устройство заклада с лезвиями от трех кремневых серпов и печатью с изображением сцены терзания львом животного).

С башней связан ряд специфических для теменоса сооружений: большой открытый двор и соединенные с ним дверными проемами крытые помещения, в одном из которых находился стол для жертвоприношений. Пространство, примыкавшее к башне с востока, было огорожено мощными стенами, верхняя половина которых укреплена полупилястрами. В свою очередь к ним с востока примыкала еще одна башня, но без свидетельств культовой практики: она являлась большим зернохранилищем. Интересно, что в Месопотамии обнаружены цилиндрические печати того же времени,

на которых показаны и башни, и приставленные к ним лестницы, и поднимающие по лестницам фигурки людей с мешками с зерном, заполнявшие башню.

Над всем этим комплексом, условно названным «нижним храмом», возвышалась четырёхметровая стена также с полупилястрами, ограничившая с юга столь же насыщенный постройками комплекс, обозначенный как «верхний храм».

Телль Хазна 1 – это уникальный для Сирии памятник. Он представляет собой древнейший в Северной Месопотамии культово-административный центр с храмовыми постройками беспрецедентной сохранности, построенными на нескольких платформах. Как известно, традиция сооружения храмов на значительных искусственных возвышениях-террасах имеет в Южной и Средней Месопотамии глубокие корни. Построенные таким образом храмы зафиксированы там уже в позднеубейдском периоде. В частности, они достаточно широко представлены в эпоху Урука, в том числе в самом Уруке. Основные параметры подобных комплексов до наших работ на Телль Хазне 1 удалось определить лишь в двух храмах среднего Двуречья – храме Нинхурсаг и Овальном храме Хафаджи. Причем в обоих случаях сохранность как террас, так и построек оказалась чрезвычайно слаба; они были резко нарушены эрозией.

Однако данные отмеченных памятников представляются крайне важными и для интерпретации материалов самой Телль Хазны 1. Сходство между этими памятниками прослеживается по ряду существенных признаков. К последним относятся террасный принцип расположения подчинённых единому плану построек, украшение стен основных сооружений пилястрами и цветной обмазкой, наличие ремесленных участков, столов для жертвоприношений и т. д. Их объединяет также, что мне хочется особенно подчеркнуть, наличие в этих памятниках массивных обводных фортификационных стен. Кстати, усилия экспедиции в последние три сезона были направлены в первую очередь на изучение именно мощной оборонительной системы, ограждавшей памятник по его южному, западному и восточному периметру.

В настоящее время фортификационная стена Телль Хазны 1, достигающая в ширину в среднем 2 м, выявлена на протяжении не менее 80 м. В центральной (южной) части, как уже установлено, она сохранилась на высоту 6 м и сложена из сырцовых кирпичей определённого стандарта, типичного для сооружений раннединастического слоя памятника.

К сожалению, я лишен возможности в настоящем докладе представить более подробную характеристику раскопанных в Телль Хазне 1 строительных комплексов и дать их развёрнутый анализ, обосновать стратиграфию и хронологию памятника, равно как хотя бы бегло рассмотреть как открытые здесь многочисленные погребальные комплексы (до 50 захоронений), так в особенности большой и разнообразный археологический материал, происходящий из Телль Хазны 1. Но мы думаем, что достаточно приведённых выше данных, чтобы убедиться в том, что перед нами один из ранних протогородских центров Северной Месопотамии с фундаментальными сооружениями культового и общественного характера и мощной фортификационной системой. До работ российской экспедиции в Сирии подобных памятников конца IV – начала III тыс. до н. э., т. е. времени сложения цивилизации и государственности в Северной Месопотамии, исследовано не было. По многим важным параметрам, как и по своей хронологической позиции, Телль Хазна 1 не уступает своим аналогам в остальной Месопотамии. Это позволяет говорить не о восприятии Сирией сторонних культурных влияний как основного фактора её развития, а о едином, хотя и многообразном процессе социально-экономического и культурного прогресса в месопотамско-сирийском ареале, в котором Сирия играла весьма существенную роль¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. По результатам работ Российской экспедиции в Месопотамии опубликована большая серия трудов как в России, так и во многих других странах мира. Желающие ознакомиться с ними могут обратиться к следующему изданию: (5. С. 397–403).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
2. *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 100. М., 1961.
3. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
4. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
5. *Мунчаев М.Р., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Тель Хазна 1. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. М., 2004.
6. *Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Bader N.O.* Early stages in the evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet excavations in Northern Iraq. The University of Arizona Press. Tucson and London, 1993.